

Ф. Климчук (Минск)

О ПРОБЛЕМЕ БАЛТИЗМОВ В ГОВОРАХ  
БРЕСТСКО-ПИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Брестско-Пинское Полесье находится на юго-западе БССР. Его условные границы: на севере — р. Ясельда, на востоке — р. Горынь. По мнению большинства современных ученых, лингвистов и историков, этот регион являлся областью одной из древнейших славянских миграций или частью прародины славян. Накануне вхождения этого края в состав Киевской Руси, судя по археологическим данным, он был заселен сравнительно плотно, преимущественно славянами. В киевскую эпоху и в период феодальной раздробленности здесь возникли города: Берестье (видимо, X в.), Пинск (XI в.), Кобрин (XI в.), Эдитов (XI в.), Мотоль (рубеж XII — XIII вв.), Каменец (1276 г.). В последующие столетия какой-либо коренной смены населения в отмеченном регионе не происходило.

Брестско-пинские (загородские, западнopolесские) говоры довольно однородны, хотя имеют некоторые локальные различия.

Река Ясельда, являющаяся северной границей Брестско-Пинского Полесья, в древности и частично в средневековье была частью границы славян и балтов. Пограничный характер рассматриваемой области предопределял взаимовлияния, выработку общих особенностей языка и культуры, проникновение славян в балтскую среду и наоборот. Последним по времени балтским этносом, обитавшим у границ Брестско-Пинского Полесья и частично на его территории, были ятвяги. Перемещение балто-славянской этнической границы с верховьев Ясельды на север до современной белорусско-литовской этноязыковой границы, видимо, лишь частично связано с наступлением западнopolесского славянского элемента. Пожалуй, в наибольшей степени оно вызвано славянскими влияниями, которые исходили из юго-восточного Понеманья,

Случчины, среднего Надприпятья. Благодаря этим влияниям и ассимиляции балтского населения в Бужско-Неманском междуречье непосредственные контакты потомков западнopolесских славян с балтами прекратились. Но древние контакты славян и балтов в рассматриваемой области могли найти отражение в современных брестско-пинских говорах.

В связи с изложенным заслуживают внимания следующие факты. В 1857 г. 30 927 чел. зарегистрировано в качестве ятвягов, преимущественно в западной части Брестско-Пинского Полесья. Это славяноязычное население, в основном потомки славянского и частично ятвяжского происхождения. Но сам факт, что ятвягами называли коренных жителей рассматриваемой области, заслуживает внимания.

Участники диалектологических и этнолингвистических экспедиций отмечали наличие специфических особенностей у жителей Брестско-Пинского Полесья, при этом указывая, что такие особенности в речи характерны для населения архаических славянских зон или представителей прибалтийских народов.

У северо-западных границ рассматриваемой области найден польско-ятвяжский словарь, исследуемый З.П. Зинквичусом.

Ю.А. Лаучюте в "Словаре балтизмов в славянских языках" (Л., Наука) приводит ряд лексем (или словоформ), которые зафиксированы в Брестско-Пинском Полесье, но не встречены в других регионах Белоруссии: джындритись, джындруха, клу-ня, клоня, кошкатысь, кузя, кука, морготиты, митуштысь, откылок, шперка, шпирка.

Я. Курсите (Рига)

ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ СТИХ  
(ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ)

При изучении генезиса и этнической истории латышей исследователи до сих пор не привлекали данные истории латышс-

ного народного стиха – дайн. Это, по-видимому, связано с тем, что дайны стали методично собирать и публиковать лишь с начала XIX в. К этому времени как сам язык, так и структура народного стиха претерпели значительные изменения. Как бы, всякая связь с пралатышским, прабалтским и тем более праиндоевропейским стихом утеряна и не восстановима. Однако в 1920 г. французский лингвист А.Мейе наметил пути сравнительного изучения индоевропейского стиха (A.Meillet, 1923). Задачи и возможные подходы к изучению балтийского стиха в изложенном аспекте в 1970 г. наметил В.Фойгт (V.Voigt, 1977). Однако до последнего времени латышский народный стих не подвергался систематическому изучению ни в диахроническом, ни в сравнительном аспектах.

Праиндоевропейский стих был силлабо-квантитативным, т.е. основанным на счете слогов и определенной организации долгих и кратких слогов в конце стихотворных строк. Стихосложение латышских дайн, как и латышский язык в целом, по сравнению с литовским сохранили меньше архаических черт. Но все-таки и в латышских дайнах – во многом уже силлаботонизированных – прослеживаются некоторые реминисценции исконного силлабо-квантитативного индоевропейского стиха, как-то:

1) факультативное гласное (чаще всего "и"), присоединяемое к любому трехсложному полустипию. Оно возникло как условное замещение утраченных в языке кратких гласных в конце слова для сохранения изосиллабизма строк; б) необъяснимая в рамках позднейшей силлаботанической системы стиха перестановка акцента с первого слога слова на второй и третий в определенных позициях. Это – результат перекодировки исконной силлабо-квантитативной системы с ее произвольными акцентами.

Для праиндоевропейского стиха характерны квантитативно оформленные предпоследний и третий от конца слоги стихотворной строки. В латышских дайнах, правда, в измененном виде, упорядоченность кратких и долгих слогов сохранилась: кванти-

тативно оформлены последний и предпоследний слоги стиха.

Латышские дайны сохранили также индоевропейский краткий размер – восьмисложник. Длинный размер индоевропейского эпического стиха, равный 10–12 слогам, в латышском народном стихе, равно как и в литовском, не сохранился.

В некоторых латышских дайнах встречается древняя звуковая организация индоевропейского стиха – анаграмма. Анаграммированный текст предполагает учащенное повторение звуков определенного, в магических целях затабуированного имени, часто – имени божества. В дайнах находим один из вариантов анаграммированного построения – гипограмму, где анаграммированное слово названо и, более того, часто находится в самом начале текста.

Как полагают лингвисты, латышский язык отделился от литовского примерно в VII в. н.э. (J. Kabełka, 1982). Примерно к этому времени можно отнести и процесс фиксации ударения на начальном слоге в латышском языке, что, в свою очередь, послужило предпосылкой возникновения аллитерационного стиха – с характерным созвучием начальных согласных в словах. Но поскольку развитие этого вида стиха вскоре было прервано интенсивной христианизацией латышей немцами (XIII в.), аллитерационный стих не получил широкого применения и не сложился в строгую систему, как это имело место у древних германцев (не говоря о руническом стихе эстонцев, который примерно в 90% случаев аллитерирован: у эстонцев начальный акцент исконный) (J. Kursite, 1984).

Оказал ли эстонский и ливский аллитерационный стих определенное влияние на латышский, пока сказать трудно. Выборочная поездная статистическая обработка дайн показала, что даже в поздних записях 20 – 30-х гг. XX в. процент аллитерированных текстов в пограничных с Эстонией районах выше, чем в других частях Латвии. Между тем собранные О.Лооритсом в 1936 г. ливские народные песни (O.Loorits, 1936) почти полностью утратили аллитерацию, что объясняется влиянием латышского стиха.